

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

6

Ноябрь — Декабрь

1988

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ ● ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Национальные процессы сегодня

- С. В. Челико (Москва). Время стирать «белые пятна» 3

Статьи

- А. Я. Гуревич (Москва). Изучение ментальностей: социальная история и поиски исторического синтеза 16
И. Я. Фроянов, А. Ю. Дворниченко, Ю. В. Кривошеев (Ленинград). Введение христианства на Руси и языческие традиции 25
В. И. Козлов, О. Д. Комарова, В. В. Степанов, А. Н. Ямсков (Москва). Проблемы адаптации русских старожилов в Азербайджане (середины XIX—XX в.) 34
И. Вебер-Келлерман (Марбург). Обряды жизненного цикла и социальная стратификация. Семья и детство 50

Дискуссии и обсуждения

- Обсуждение статьи В. В. Пименова «Подготовка профессионального этнографа: проблемы перестройки» (Г. Г. Громов — Москва, К. И. Козлова — Москва, В. М. Шамиладзе — Тбилиси) 65

Из истории науки

- А. Б. Радзюн (Ленинград). Фредерик Рюйш и его анатомическая коллекция в Музее антропологии и этнографии 82

Этнография в музеях

- Л. К. Зязева, А. Б. Островский (Ленинград). Этнографическая лекция: методика и организация (Опыт Государственного музея этнографии народов СССР) 88

Сообщения

- Э. Л. Мелконян (Ереван). Армянская семья в условиях диаспоры 98
Т. А. Николаева (Киев). Художественные особенности народной украинской одежды конца XIX — начала XX века как объект этнографического исследования 105
С. А. Азизов (Махачкала). К вопросу о дагестанской тухумной эндогамии 121
Х. Рахматиллаев (Фергана). Изменения в этнической структуре населения городов узбекской части Ферганской долины за годы советской власти 126

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

ского сознания. Повествуя о событиях в Новгороде, он приписывает слова, сказанные в момент экзекуции, не Перуну, а бесу: «и в то время, вшел бяше в Перуна бес, и кричаще: ох, ох мне, достался немилостивым сим рукам». Любопытна и другая деталь, с палицей Перуна: «Плови сквозе великий мост, верже палицу свою на мост, его же ныне безумнии убивающесе утеху творят бесом»⁵⁵. Здесь отразились очень интересные сведения, связывающие с палицей Перуна целый комплекс языческих представлений. Во всяком случае, палица эта обладает, как видим, сверхъестественной силой.

Вслед за расправой над Перуном последовала процедура крещения. Не будем гадать о том, что думали киевляне, когда стояли в днепровской воде, но не будет натяжкой предположить, что и этот обряд не воспринимался ими болезненно, а лежал в русле языческих обрядностей. Известно, что в славянском язычестве вода играла большую роль. Купание применялось и в качестве средства, вызывающего дождь, широко был распространен культ воды⁵⁶.

Приведенные факты позволяют прийти к выводу о том, что христианская религия принималась на Руси как бы в языческой оболочке, язычеством были проникнуты действия Владимира и в целом киевской общины. Введение христианства было лишь звеном процесса развития религиозных реформ на Руси X в. и рассматривалось как очередная смена божества в духе существующих языческих представлений.

⁵⁵ Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 9.

⁵⁶ Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь. М., 1980. С. 84—85; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси... С. 681.

**В. И. Козлов, О. Д. Комарова,
В. В. Степанов, А. Н. Ямсков**

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ [середина XIX—XX в.]

Процессы, происходившие и происходящие в этнических группах, которые в результате миграций попадали в непривычные для них природные условия и вступали в контакты с этносами, существенно отличающимися от них в социально-экономическом и культурном отношениях, давно уже привлекают внимание этнографов, антропологов и специалистов многих других общественных и естественных наук. Каждая из научных дисциплин преследует при этом свои интересы, но все они так или иначе смотрят на объект исследования как на своего рода эксперимент, поставленный самой историей, относительно возможности физического выживания и сохранения социо-культурного единства таких групп в новых для них средовых или экологических условиях путем приспособления или адаптации к этим условиям.

В нашей стране с ее огромной территорией, разнообразной в природном и этнокультурном отношениях, а также значительным развитием миграционных процессов как в прошлом, так и в настоящем, исследования такого рода имеют существенное научно-теоретическое и прикладное значение. Одним из наиболее перспективных объектов изучения закономерностей процессов адаптации, несомненно, являются многочисленные локальные группы русских, возникшие в результате разновременных переселений в самых различных районах: от Закавказья и Средней Азии до побережий полярных морей и Тихого океана.

До недавнего времени исследования адаптации переселенческих групп к новой среде обитания проводились спорадически, их проблема-

тика не была определена достаточно четко. Прогрессу научных разработок в этой области должно способствовать формирование в СССР новой научной дисциплины — этнической экологии, одна из важнейших задач которой — изучение традиционных систем жизнеобеспечения и воспроизводства этнических групп, а также способов их адаптации к новой среде обитания¹. Многие относящиеся к этой тематике вопросы разработаны пока еще слабо. В частности, это касается узловой проблемы определения степени адаптированности той или иной этнической группы к природной среде. Поскольку основным средством небиологической адаптации является культура, представляется логичным оценить полезность каждого ее элемента, прежде всего хозяйства и материальной культуры, в том числе сезонной одежды и обуви, поселений и жилищ, пищи и др. применительно к природным условиям (высоте местности, температуре и влажности воздуха и т. д.). При этом так или иначе приходится «выходить» на биологию человека, учитывая не только удобство или комфортность конкретных элементов культуры, но и их позитивное или негативное воздействие на здоровье, различные виды заболеваний (простудные, инфекционные и др.) и в конечном счете на смертность как в среднем по всей популяции, так и в различных поло-возрастных группах.

Вообще процессы этнокультурной адаптации к новой среде обитания имеют комплексный и многоуровневый характер. Затрагивая по существу все сферы культуры и быта поселенцев, они проявляются также в психологических, демографических и медико-биологических особенностях, но с различной интенсивностью и неодновременно; более того, процессы приспособления в отдельных сферах жизни отличаются известной автономностью. Поэтому мы считаем нецелесообразным оценивать адаптированность культуры переселенцев и их потомков каким-то единым сводным показателем. Напротив, к изучению указанного аспекта надо подходить дифференцированно и точно определять ту область, на которую распространяются полученные выводы о характере адаптации.

Наши материалы относятся к русским старожилам Закавказья, исследование которых было начато нами в 1986 г.² С учетом обширности и разнообразия собранных сведений имеет смысл разделить их анализ на две части (статьи), первая из которых посвящена адаптации в расселении, хозяйстве и демографических процессах у названных групп русского населения в Азербайджане, с территории которого и начались наши исследования.

Следует отметить, что в формировании русских переселенческих групп Закавказья очень важную роль сыграл религиозный фактор. Первую массовую волну поселенцев составили сектанты, большей частью молокане и духоборы. Эти секты, возникшие и распространившиеся на юге Европейской России в конце XVII — середине XVIII в., в чем-то напоминали ранние протестантские общины. Подобно им, духоборы и молокане выступали против засилия официального духовенства и церковных форм общения верующих с богом, считали, что каждый самостоятельно может понимать Священное писание, не прибегая к посредничеству священнослужителей. К этому присоединилось первоначальное отрицание духоборами и молоканами светской власти, активное восприятие (особенно духоборами) христианской заповеди «не убий!» и связанный с этим отказ от службы в армии³.

Самодержавие и православная церковь предприняли против этих сект ряд репрессивных мер, в частности — высылали сектантов в отдаленные районы страны, главным образом в Закавказье. Тем самым царское

¹ См. Козлов В. И. Основные проблемы этнической экологии // Сов. этнография. 1983. № 1.

² См.: Полевые материалы авторов (Архив Ин-та этнографии АН СССР: Материалы Азербайджанского этноэкологического отряда. 1986 г.; Материалы Комплексной межинститутской этноэкологической экспедиции по изучению русских поселенцев на Кавказе. 1987 г.).

³ См. Федоренко Ф. Секты, их вера и дела. М., 1965.

правительство решало не только задачу территориального разобщения нежелательных элементов с более «послушными» крестьянами, но и старалось хотя бы частично укрепить свои позиции в недавно присоединенных к империи районах, освоить их в хозяйственном отношении.

Таким образом, сектанты появились в Закавказье намного раньше других русских крестьян. На территории нынешней Азербайджанской ССР число сектантов стало быстро увеличиваться. Так, уже в 1844 г. в Каспийской обл. существовало 19 селений русских сектантов (8,4 тыс. чел.)⁴, а в 1866 г. в Бакинской и Елисаветпольской губерниях было уже 32 селения (23,4 тыс. чел.)⁵. В последующий период, когда усилился приток русских православных переселенцев в Закавказье, удельный вес сектантов на территории Азербайджана оставался значительным. Так в 1897 году из 49,7 тыс. чел. русского населения сектанты составляли более 60%⁶, а в начале XX в. (когда Закавказье перестало быть местом поселения ссыльных и, в соответствии с новой политикой царского правительства, стало объектом планомерной земледельческой колонизации русскими, украинскими и белорусскими крестьянами) старожилов-сектантов насчитывалось около 45 тыс. или 41% всего пришлого сельского населения⁷.

Однако тяжелые события, последовавшие за революцией 1917 г., особенно начавшиеся в регионе межнациональные столкновения, привели к упадку большинства поселков недавних переселенцев и к их бегству обратно в Россию. Вместе с тем селения сектантов в основном сохранились (этому способствовало их расположение преимущественно в горной местности и лучшая социо-культурная адаптированность к местным условиям). К 1921 г. в Азербайджане из 119 православных сел осталось 55 (около 12,5 тыс. чел.), а из 34 старых сектантских сохранилось 30 (30 тыс. чел.). О судьбе еще восьми православных селений и одного сектантского сведений нет⁸. Кроме того, в результате земельной реформы к 1921 г. возникли новые небольшие сектантские селения — отселки (Тан Чистый Ключ, Левонарх, Бююксеюдлю, а несколько позже — Родниковка, Новоастраханка).

Из приведенного беглого обзора этапов заселения русскими территории Восточного Закавказья следует, что для изучения путей и способов этнокультурной адаптации русских переселенцев логично рассматривать материалы именно о русских сектантах, охватывающие более чем столетний период.

Первым поселением сектантов на территории Азербайджана был Кизылкишляк, основанный в 1830 г. духоборами из донских казаков⁹. В 1830—1840-е годы происходил основной приток ссыльнопоселенцев, а в конце 1830-х — начале 1850-х годов число сектантов увеличилось благодаря добровольному переселению молокан и субботников. Однако законодательными актами 1853 г. въезд сектантов в Закавказье был почти полностью прекращен, а в 1890-е годы в связи с поощрением православных переселенцев и совсем запрещен¹⁰.

Насколько гладко происходила адаптация сектантов на первых этапах освоения края? В конце 1830-х годов на территории Азербайджана:

⁴ Рассчитано по: Записка о русских переселенцах-сектантах в Каспийской области. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 10. Тифлис, 1885. С. 288.

⁵ Рассчитано по: Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893.

⁶ Рассчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 61, 63. СПб., 1905.

⁷ Рассчитано по: Пространство и население Кавказского края к 1.1.1915 г. // Кавказский календарь на 1916 г. Тифлис, 1915. С. 38—45.

⁸ Рассчитано по: Азербайджанская сельскохозяйственная перепись 1921 г. Итоги. Т. I. Вып. 1—12. Баку, 1922 (Коммуны и артели за самостоятельные селения не считывались).

⁹ Записка о русских переселенцах-сектантах... С. 281.

¹⁰ Долженко И. В. Хозяйственный и общественный быт русских крестьян Восточной Армении (конец XIX — начало XX в.). Ереван, 1985. С. 24, 37—38; Исмаилов Д. И. Русское крестьянство в Закавказье. 30-е годы XIX — начало XX в. М., 198 С. 112.

было 11 сектантских сел. К 1844 г. четыре из них перестали существовать, зато возникли другие, и общее число их достигло 20. К 1886 г. оказались заброшенными еще шесть селений (в том числе и такое крупное как Топчу, где в 1844 г. проживало 1268 чел.¹¹), на месте которых впоследствии обосновались армяне и азербайджанцы. Причина запустения ряда русских селений состояла в основном в неудачном выборе места их расположения. Руководствуясь соображениями удобства для развития земледелия и скотоводства, местные власти стремились размещать русские села на равнинных и предгорных территориях — бывших зимних пастбищах кочевников, не учитывая при этом, что традиционная русская санитарно-бытовая культура, не в пример культуре армян и оседлых азербайджанцев, мало соответствовала условиям жизни в этих субтропических районах. Так, в брошенных поселенцами селах Топчу, Кизылкишляк, Талыши, Аладин, Дудукчи люди страдали от жаркого климата и загрязненной питьевой воды, смертность от малярии и желудочно-кишечных заболеваний была очень высока¹².

Столкнувшись с этими трудностями, переселенцы через своих ходяков стали выбирать из участков, предлагавшихся правительством, территории, преимущественно в среднегорной, наименее заселенной полосе (от 800 до 1600 м над уровнем моря). Это были казенные земли — леса или горные луга, используемые местным населением как весенне-осенние пастбища. Ходяки стремились найти благоприятную среду обитания (нежаркое лето, чистая питьевая вода, отсутствие малярии)¹³ с привычными условиями хозяйствования (возможность неорошаемого полеводства, наличие летних выпасов у села, близость леса — источника топлива и строительных материалов). Новые переселенцы, прибывавшие непосредственно из России, учитывали такой опыт и оседали поблизости от благополучных русских сел. Впрочем, ошибки случались и на этом этапе, и тогда поселенцы спустя некоторое время переносили свое село на выбранное ими самими более удобное место. Такова, например, история сектантских селений Хильмилли, Новосаратовки, Новогореловки, Ивановки.

Таким образом, формирование схемы размещения русских старожилов в Азербайджане прошло два этапа: 1) период «проб и ошибок», когда преобладало поселение ссыльных сектантов в местах, определенных администрацией края (1830-е — начало 1840-х годов); 2) время основания большинства современных селений в местах, выбранных ходяками из крестьян (1840—1850-е годы). В середине 1880-х годов уже сложилась основа нынешней схемы размещения селений русских сектантов, причем многие из ранних поселений к этому времени были давно покинуты. Возникли три хорошо выраженных ареала, которые по названиям соответствующих уездов можно именовать ленкоранским (8 селений), шемахинским (8 сел и тяготеющие к ним Ивановка, Карамарьям и Кулулу) и елисаветпольским (6 сел и расположенные поблизости Михайловка и Борисы) (рис. 1). Однако это явно противоречило указу 1832 г., предписывавшему селить русских ссыльнопоселенцев в отдаленных друг от друга местах Закавказья и малыми партиями, «не составляя из них... особой области, дабы они со временем не могли стать вредными»¹⁴. То, что русские старожильческие селения расположены в местах, удобных для ведения хозяйства, а не там, где желало бы правительство, и то, что они локализованы компактными ареалами, несомненно, свидетельствует об активной адаптации самих поселенцев к природным и

¹¹ Рассчитано по источникам, приведенным в примечаниях 6 и 10. С. 57, 59.

¹² Записка о русских переселенцах-сектантах... С. 284, 286; *Калашев Н.* Селение Ивановка//Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т. 13. Тифлис, 1892. С. 238.

¹³ В Закавказье малярия фактически не встречалась на высотах 900 м и полностью отсутствовала выше 1200 м; на высоте же менее 300 м над уровнем моря опасность заражения была практически повсеместной. См. *Пантюхов И. И.* Влияние малярии на колонизацию Кавказа//Кавказский календарь на 1899 г. Тифлис, 1898. С. 37.

¹⁴ Цит. по: *Долженко И. В.* Указ. раб. С. 23.

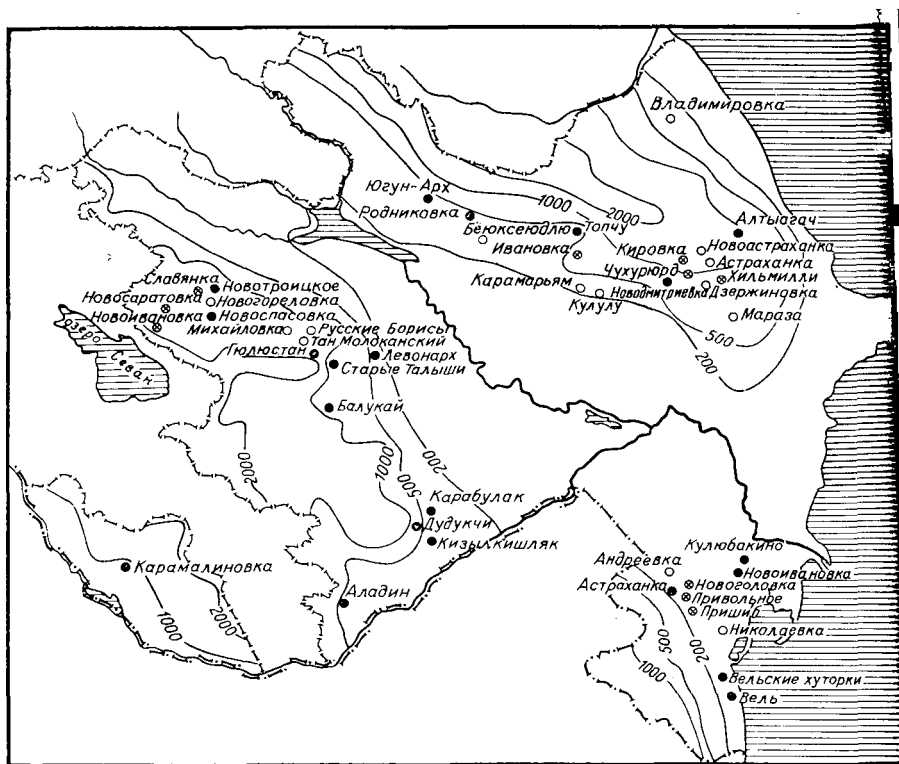

Рис. 1. Размещение селений русских старожилов-сектантов на территории Азербайджанской ССР

Условные обозначения: светлый кружок — села, в которых проживает русское население; перекрещенный кружок — в том числе обследованные селения; темный кружок — села, из которых выбыло русское население

Кроме того, не удалось локализовать селения Гирыжи (1834—1844 гг.) и Чистый Ключ (1920—1970-е гг.)

социо-культурным условиям Азербайджана, а не является итогом колониальной политики властей.

В природно-экологическом отношении большинство русских сектантских сел, как уже указывалось, располагались в горной местности. Так, все елисаветпольские селения (в последней четверти XIX в. 5,2 тыс. чел.) относятся к среднегорным (1150—1550 м над уровнем моря). В шемахинском ареале преобладали селения, расположенные в верхней части низкогорной полосы (800—950 м — пять сел; 5,7 тыс. чел.) и в среднегорной полосе (1000—1350 м — четыре села; 4,6 тыс. чел.); лишь два селения (215 чел.) находились в равнинной зоне. Только ленкоранские селения (6,6 тыс. чел.) располагались на предгорной равнине — одной из немногих в Азербайджане, сравнимой по степени увлажненности с горной зоной¹⁵. С ландшафтной точки зрения горные села разместились в поясе широколиственных лесов с достаточно плодородными горными бурными и коричневыми, а на месте послелесных степей, — черноземными почвами. Несмотря на довольно значительную высоту над уровнем моря, почти все эти русские селения расположены в платообразной холмистой местности. Равнинные же села находятся в сухо-степных слегка всхолмленных ландшафтах. Всего, по нашим подсчетам, русские старожилы освоили около 20 различных типов ландшафтов Восточного Закавказья, многие из которых совершенно не характерны для мест прежнего обитания первых поселенцев.

В выбранной поселенцами местности определение конкретного местоположения села зависело в первую очередь от обеспеченности питьево

¹⁵ Карта типов ландшафтов АзССР. 1 : 600 000. М., 1978.

водой и, в горах, — от ориентации склона по сторонам света. Для русских селений в горах Азербайджана характерно расположение на юго-восточных «солнечных» склонах. Этот факт на первый взгляд трудно объяснить, поскольку условия теплообеспечения на пологих склонах разной экспозиции различаются слабо. Более раннее начало вегетации на таких «пригревах» также не объясняет их первоочередного заселения, так как до коллективизации поселенцы использовали усадебные участки в основном как хозяйственные дворы. Поэтому данный факт скорее связан с устойчивой традицией располагать передние или боковые фасады домов в юго-восточном направлении, не нарушая уличного плана в условиях пересеченного рельефа. В зависимости от того, какой из фасадов должен быть ориентирован «на солнце», улицы или ряды домов располагаются в субширотном, либо субмеридиональном направлении. Конкретный рисунок планировки развивался уже с учетом местных экологических условий. Первоначально застраивались лучшие участки. В связи с этим оптимально ориентированная улица с наиболее благоприятным сочетанием рельефа, качества земли и условий водообеспечения — чаще всего наиболее старая в селе и одна из самых длинных, широких и плотно застроенных. Обычно она имеет соответствующее название: Большая, Длинная, Красная и протяженность ее не менее километра. Если ее рост по какой-либо причине был ограничен, то развивалась вторая линия застройки, чаще всего параллельная первой, а также более короткие — перпендикулярные линии. В итоге русские селения Азербайджана имеют в основном вытянутую и редко — квартальную планировку.

Ныне разнообразие экологических условий селитебных территорий сказывается и на этнических аспектах размещения населения в старожильческих русских селениях. Иноэтническое большинство в них составляют азербайджанцы, стремление которых поселиться в более благоустроенных русских селениях усилилось в 1960-е годы. Об этом процессе речь пойдет далее; отметим лишь, что азербайджанцы, поселившись здесь недавно, в основном живут в новостройках по окраинам сел и занимают несколько худшие территории. В исторических центрах таких селений пока преобладают русские, хотя процесс замещения их азербайджанцами неуклонно усиливается.

Адаптация русских переселенцев к новой среде проявилась и в способах водообеспечения. Традиционные методы (колодцы, запруды, отводные каналы) сочетались с новыми заимствованными приемами. Ярким примером последних служит распространившееся среди поселенцев строительство водоводов (*кюрбянд* — узкая канава глубиной до 0,5 м с выложенными камнем стенками и перекрытием, засыпанным сверху землей), доставлявших в села воду из родников с окружающих возвышенностей. Несоввершенство конструкции таких устройств, однако, обуславливало значительные потери воды и ограничивало протяженность этих водоводов 1—1,5 километрами. Поэтому для снабжения селения одного, даже высокодебитного источника было недостаточно; обычно строили несколько водоводов, протянутых к селу с разных сторон. Вода выходила из *фонтала* (каменной вертикальной стенки) и накапливалась в служившем для водопоя скота каменном «корыте»; их обычно покупали у коренного населения. Водоводы-кюрбянды, кстати сказать, были заменены трубопроводами лишь в последние 10—15 лет. При этом контроль за водоснабжением со стороны жителей резко снизился, что привело к ухудшению качества питьевой воды.

Среди неблагоприятных экологических последствий традиционного уклада жизни можно отметить состояние сельских улиц. Старинные улицы, как правило, широкие (до 20 м и более), что было необходимо для разъезда фургонов и провоза громоздких плугов, прогона многочисленного скота, из соображений пожарной безопасности и т. д. В горах такая утрамбованная поверхность быстро размывается и обычная улица средних размеров вскоре превращалась в эрозионную поверхность площадью в несколько гектаров. Если учесть, что общая площадь всех

улиц селения была примерно равна площади усадеб, то становится ясным, каким источником пыли и грязи являются улицы.

Сельское кладбище устраивалось всегда отдельно от жилой зоны по возможности на возвышенном месте, обращенном, как и все село, на юго-восток. В дальнейшем с ослаблением роли общины в социальной жизни поселенцев неконтролируемый рост застройки привел почти к полному включению кладбищ в территорию жилой зоны. Если привлечь внимание, что возвышенности, на которых расположены кладбища, имеют неглубоко залегающий глинистый водоупорный слой, до которого углубляются и сельские колодцы, то станет очевидным, что пренебрежение традиционными нормами взаиморасположения жилья и кладбищ также приводило к неблагоприятной санитарной обстановке.

Формы жилых построек в большинстве русских старожильческих сел Азербайджана во многом близки и отражают традиции южнорусских губерний. Первоначально поселенцы возводили деревянные срубы из распиленных вдоль дубовых бревен. Выборочное использование древесных пород повлекло за собой замену состава близлежащих лесов (дубовых на буковые или грабовые), а затем и полное сведение окружающих высокоствольных лесов, граница которых на сегодняшний день отодвинулась от русских селений в среднем на 10—15 км. К концу XIX — началу XX в. в малолесных местах на смену срубным постройкам пришли *турлучные* — каркасные, с применением опорных столбов, жердей, глины и самана, а также (в редких случаях) постройки из сырцового кирпича. Камень не стал основным строительным материалом. И этому есть свои причины: в сейсмоопасном районе рубленые каркасные постройки более надежны, кроме того при выборе строительного материала определенную роль играют и сложившиеся стереотипы — представления русских о том, что в каменных домах азербайджанцев зимой более сыро и холодно. Но в действительности различия микроклимата связаны с особенностями системы отопления и планировки.

Русские Азербайджана в основном возводили дома на фундаменте (угловые тесаные камни — под срубами, окатанные речные камни с песком и глиной — под всей площадью каркасных построек). Это было связано с необходимостью защиты дома от влаги и движения поверхностных вод при обильных осадках. Кроме того, фундамент был необходим и для строительства подвалов. В связи с этим приемы домостроительства дополнили установка опорных столбов, поддерживающих свод подвала, которая удивительно напоминает системы опор в архаичном жилище азербайджанцев — *карадаме*, и настил двойного пола для защиты от подвального холода. Пол по традиции делали «земляным» — глинобитным, подмешивая в глину саман и лошадиный навоз; его регулярно посыпали речным песком и подметали. Такой пол и теперь еще не редкость, особенно в селах, где дома турлучные. В холодное время года даже в протопленной комнате от глинобитного пола веет холодом.

Крыши домов в подавляющем большинстве делались двускатными (в начале XX века — местами даже на самцах, а чаще — стропильные) с соломенным, позже — черепичным покрытием. Производство черепицы было налажено практически во всех крупных русских селах. С 1930-х годов широко распространяется строительство «галерей» — балконов и навесов. Происхождение таких галерей в домах старожиллов сложно: по своим конструктивным особенностям они самобытны, а по внешнему виду — похожи на веранды кавказских жилищ. Однако по микроклиматическим показателям они уступают традиционным *эйванам* в жилищах азербайджанцев.

Внутренняя планировка и устройство жилья мало чем отличались от южнорусских. Дом состоял из передней — жилой комнаты, соединенной с задним хозяйственным помещением сенями. В прошлом русская печь располагалась в жилой комнате по диагонали от переднего (красного) угла, устьем ко входу. Окон обычно бывало четыре: два с торцо-

вой стороны, выходящей на улицу, и два по боковому фасаду. В дальнейшем происходила не столько перепланировка жилья, сколько смена функциональных назначений его отдельных частей. В частности, заднее помещение стало жилым, сени — кухонным и, частично, жилым помещением. Соответственно по иному располагают и печь — в сенях, в задней комнате, либо ставят две печи — и в передней, и в задней комнатах. Переднее помещение, таким образом, становится «чистым» — парадной половиной, сохраняемой для гостей (как в общекавказской традиции).

Особенно четко адаптивные процессы проявились в хозяйстве русских поселенцев. Из-за тягот долгого пути мигрантов (а они двигались на подводах) доставить свой скот и семена из России в большинстве случаев им не удавалось (исключением были лишь некоторые сорта семян гречихи). Поэтому в Закавказье местные власти выдавали им рабочий скот, орудия и семена или деньги на их приобретение. С самого начала поселенцы в достатке наделялись землей, а с 1849 г. действовал указ о предоставлении каждой русской семье 30—60 десятин, что превышало норму землеобеспечения коренного населения¹⁶.

Сложный религиозный состав большей части сектантских селений, явившийся следствием специальной политики властей¹⁷, почти не сказывался на хозяйственной жизни. На рубеже XIX—XX в. сельская община имела выборного старосту (обычно из последователей численно преобладавшей конфессии) с помощниками и повсеместно функционировала как единое целое; нигде не было жесткого разделения селений на улицы или концы по признаку вероисповедания. Даже кладбище, как правило, было одно, хотя внутри него и выделялись участки для захоронения родственников-единоверцев.

Землепользование вплоть до коллективизации сохраняло традиционные черты: лесокустарниковые и пастбищные участки были общими, сенокосы делили ежегодно, пахотные земли поступали в передел регулярно (в соответствии с севооборотом), огородные же участки перераспределялись раз в 10—15 лет. Уже со второй половины XIX в. во многих селах стала ощущаться нехватка земель, из-за чего участились случаи аренды или покупки угодий общиной либо отдельными жилищными хозяйствами у местных беков или в соседних селах.

Попав в новые для них условия, русские поселенцы вначале постарались воссоздать традиционную модель хозяйства, отличавшуюся значительной экстенсивностью из-за обилия земель. В 1844 г. отмечалось, что «сельское хозяйство у переселенцев-раскольников в Каспийской области ведется по принятым их праотцами правилам, ... кроме того, законность их старинных обычаев, непредприимчивость и отвращение от всякого нововведения овладели ими до невероятной степени»¹⁸. Но вскоре пришло, видимо, осознание того, что хотя подобная хозяйственная практика позволила экономически «встать на ноги», она все же мало эффективна и уступает некоторым приемам коренного населения. Поэтому через одно — два десятилетия начался период активных нововведений и заимствований. Так, если в конце 1850-х годов в русских селах «земледелие не могло еще установиться и почти каждый год подвергалось переменам»¹⁹, то в середине 1880-х годов хозяйство русских поселенцев уже отличалось устойчивостью при определенных локальных вариациях²⁰.

¹⁶ *Исмаил-заде Д. И.* Указ. раб. С. 64.

¹⁷ В 1886 г. из 32 русских селений только 14 были моноконфессиональными: старообрядческое Вель, субботническое Привольное (в котором, кстати, 1% населения оставляли евреи, вступавшие в браки с сектантами), четыре духоборческих и восемь доломанских; еще в 18 селах жили молокане, в том числе в четырех — с субботниками и баптистами, в девяти — с субботниками, в трех — с баптистами, в двух — с другими ектантами и православными (см. Свод статистических данных...).

¹⁸ Записка о русских переселенцах-сектантах... С. 287.

¹⁹ *Серебряков И.* Сельское хозяйство в Елисаветпольском уезде//Зап. Кавказского в-ва сельского хозяйства. № 5—6. Тифлис, 1861. С. 156.

²⁰ Богатейшие сведения такого рода содержат «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края». Т. 1—7. Тифлис, 1885—889.

Со второй половины XIX в. хозяйство горных русских селений имело комплексный характер: при ведущем положении земледелия, прежде всего неорошаемого полеводства, существенно возросла роль скотоводства, ремесел и извоза. Основу земледелия составляли посевы озимой пшеницы; в значительных размерах выращивали ячмень и просо, сеяли рожь, овес, гречиху, горох и полбу. Преобладали местные сорта хлебов. Посевы ржи и гречихи сократились в 1850-е годы и исчезли после коллективизации. Причиной, видимо, были трудности с обновлением семенного фонда, неудачные условия для выращивания и отсутствие спроса на эти культуры на местном рынке. Высеивали также русский лен (на масло и холсты) и подсолнечник («грызовой», т. е. пижмовый) для продажи. Однако в целом хозяйство было практически натуральным.

Система земледелия, в зависимости от обилия и качества пашни, была единообразной, а в некоторых селах с течением времени стала более упорядоченной. В многоземельных селах вроде Ивановки практиковалось выделение половины пашни в залежь — *толоку*, служившую пастбищем 4—5 лет, а севооборот охватывал оставшуюся часть. Однако в целом преобладала ориентация на трехполье, принесенное из России. Землю поселенцы пахали только плугом, запрягая по 3—4 пары волов или соединяя пару лошадей и 2—3 пары быков. Обычно старались пахать поперек склона, сохраняя тем почву от эрозии. Важным нововведением стал «майский» пар — замена осенней вспашки на весеннюю давала ряд преимуществ: запахивание молодой травы удобряло землю, а ее корни, оказавшись сверху, уменьшали смыв почвы от весенних дождей. Кроме того, зимой в морозные, бесснежные и ветреные дни стерня и выросшая к осени трава препятствовали дефляции и они же позволяли избегать сильной эрозии при весеннем таянии снегов. Тем не менее полностью исключить эрозию не удавалось, а она грозила быстрым падением плодородия полей из-за малой мощности горных почв.

Русские поселенцы принесли намного более производительные типы плуга, бороны и косы. Местные аналоги уступали им, ибо коса действовала скорее как серп; борона только ровняла землю, не разбивая комьев; тяжелый азербайджанский плуг был сложнее в управлении, требовал почти в два раза больше тяглового усилия, чем южнорусский. В то же время и сами сектанты уже в конце 1850-х годов заимствовали некоторые орудия у коренного населения. В частности, они перешли к молотье пшеницы и ячменя кавказскими молотильными досками-*валъ*²¹. По сравнению с использованием цепов это резко снижало трудозатраты (подросток с лошадей мог заменить нескольких мужчин) к тому же доска, перетирая на мелкие кусочки жесткую и малосолодную солому, превращала ее в хороший корм для скота. Просо, овес, имеющие мягкую солому, молотили ребристыми катками, в старину — деревянными, а позднее — каменными.

Огородничество также играло важную роль в жизнеобеспечении селенцев. Особое положение занял картофель, прочно вошедший в быт в начале XX в. в полеводство селений, расположенных в горах. Огородники размещались частью у села в поймах речек и орошались канавами и занимали наиболее увлажненные места балок и полей. Однако до коллективизации и связанного с ней превращения усадебных территорий из хозяйственных дворов в огородные и садовые участки поселенцы выращивали все же мало зелени и овощей. Главными огородными культурами были картофель, капуста, огурцы, арбузы, тыква, в то время к репа, свекла и, по религиозным мотивам, лук и чеснок отсутствовали. Впрочем, теперь на приусадебных участках произрастают почти все садовые и огородные растения, типичные для южных групп русских

²¹ Серебряков И. Указ. раб. С. 137—139, 162.

²² Подробнее см.: Grigulevich N. J. Cultural and Ecological Peculiarities of the Traditional Diet of the Russians in Azerbaijan//XII JCAES. Zagreb. July 24—31, 1988. Moscow, 1988.

Садоводство у русских старожилов вплоть до 1920—1930-х годов практически отсутствовало; иногда на усадьбе сажали отдельные плодовые или ореховые деревья. Исключая субботаническое Привольное, виноград и виноделие в равнинных и низкогорных селениях появились в 1920—1930-е годы (выше в горах виноград не вызревает). Но окрестные леса, богатые дикорастущими плодовыми деревьями и кустарниками (груши, яблоки, кизил, терн, ежевика, мушмула и т. п.), вполне компенсировали отсутствие у поселенцев садов. В русских селах общиной определялся день начала и участки сбора лесных дикорастущих. Обычен был также обмен русскими поселенцами зерна или картофеля на сухофрукты в некоторых селениях азербайджанцев-садоводов.

В хозяйственной жизни русских поселенцев большую роль играло ремесло: кузнецы, плотники, шорники, кожевники и также мельники и изготовители черепицы работали на местный рынок; одежду и обувь крестьяне делали себе сами. Вплоть до коллективизации большое значение повсеместно имел извоз в крытых конных фургонах.

Однако самые сильные адаптивные изменения произошли в скотоводстве русских старожилов, поскольку в связи со спецификой местных условий значение этой отрасли хозяйства существенно возросло. Так, в ряде селений возникли формы отгонного скотоводства, при которых крупный рогатый скот отгоняли на отдаленные сезонные пастбища: зимой — на равнинные (Чухурюрд, Ивановка), летом — выше в горы (Ивановка). Возникли и временные поселения русских пастухов на зимних пастбищах — «хутора» на отдаленных (30—100 км от села) равнинах и «хуторки» на близлежащих землях (4—6 км от села)²³. В основе этих глубоких изменений лежало заимствование опыта зимнего выпаса скота у некоторых соседних групп полукочевых овцеводов-азербайджанцев. Однако русские поселенцы сохранили оседлый образ жизни (со скотом уходили только немногочисленные пастухи) и преобладание в стаде крупного рогатого скота.

После Октябрьской революции прежде арендовавшиеся у казны отдаленные зимние пастбища на равнинах перешли в распоряжение сельских общин, и часть их стала делиться между хозяйствами под пашню. Таким образом, в 1920—1930-е годы в ряде селений сложились, в дополнение к присельским, и вторые отдаленные равнинные скотоводческо-земледельческие хозяйственные базы, используемые до сих пор.

Успешность хозяйственной адаптации русских старожилов в Азербайджане находит отражение в увеличении их численности, хотя такая связь не всегда была прямой. Например, уже упомянутое селение Топчу, расположенное на предгорной равнине, еще в 1844 г. считалось одним из экономически наиболее состоятельных, а уже в конце 1840-х годов было полностью заброшено из-за высокой заболеваемости и смертности жителей; высокая заболеваемость была также характерна для зажиточных равнинных ленкоранских селений²⁴. Вообще население равнинных русских селений росло медленнее, чем горных. Так, численность жителей шести равнинных русских селений, существовавших в 1844 г., к 1886 г. увеличилась до 4,7 тыс. чел., или на 140%, тогда как население шести горных сектантских сел за то же время возросло до 7,9 тыс. чел., или почти на 315%²⁵. По мере приспособления старожилов к условиям жизни на равнинах Закавказья это различие в темпах прироста населения сглаживалось. Однако и к концу XIX в. оно еще было существенным: в 1886—1897 гг. русское сектантское население равнинного ленкоранского ареала выросло только на 8%, а в горных шемахинском и елисаветпольском — соответственно на 12% и

²³ Подробнее см.: *Yamskov A. N. Environmental Conditions and Ethno-Cultural Traditions of Stock-Breeding (the Russians in Azerbaijan in the 19th and Early 20th Centuries)*//XII JCAES. Zagreb, July 24—31, 1988. Moscow, 1988.

²⁴ Записка о русских переселенцах-сектантах... С. 287; *Кофорд А. А. Сельскохозяйственные очерки Закавказья*. СПб., 1904. С. 83.

²⁵ Рассчитано по источникам, приведенным в примечаниях 6 и 7.

18%²⁶. Региональное соотношение темпов прироста населения изменилось в пользу равнинных сел только в начале XX в. К 1915 г. прирост русских в ленкоранском ареале составил уже почти 190%, тогда как в шамахинском — 130% и в елисаветпольском — около 150%²⁷. Прибавляющийся к 5% среднегодовой рост числа жителей равнинных селений в этот период, при незначительной миграции из России, свидетельствует о большой роли миграции из горных районов. Старожильческие ленкоранские села стали полюсом притяжения для закавказских сектантов более полувека спустя после своего основания. Вероятно, в этом сказались как приспособление ленкоранских старожилов к местным природным условиям, так и результаты правительственной программы строительства оросительных каналов, дорог и налаживания снабжения питьевой водой равнинных селений, в связи с государственной потребностью развития здесь хлопководства.

К сожалению, материалы по XIX — началу XX в. позволяют судить лишь о некоторых чертах демографической ситуации того времени, в частности о половой структуре населения. Как следует из статистических источников прошлого века, уже на начальном этапе своего существования, подавляющее большинство русских селений (12 из 19, имеющих к этому времени) характеризовалось нормальным соотношением между полами (в разных селах на 100 мужчин приходилось от 93 до 108 женщин)²⁸. Данное явление в целом нетипично для переселенческих групп вообще, в составе которых обычно преобладают мужчины молодого и среднего возраста (яркий пример тому — миграции из Центральной России в период освоения Сибири). Однако особенность русских старожильческих поселений в Закавказье заключалась именно в том, что они формировались в результате перемещения сразу нескольких семей в полном составе, а то и уже сложившихся общин²⁹. Достаточно пропорциональная половая структура популяций русских старожилов способствовала быстрой нормализации процесса естественного воспроизводства населения, а наряду с этим являлась своего рода гарантией от необходимости смешанных браков с местным населением, недопустимых прежде по профессиональным соображениям.

Сведения, имеющиеся в литературе, а также те, что собраны нами в ходе полевых исследований, дают возможность достаточно полно охарактеризовать демографическую ситуацию только в отдельных русских селах. К примеру, известно, что в селе Ивановка нынешнего Исмаиллинского р-на среднегодовой коэффициент рождаемости в период с 1879 по 1888 годы составлял 46,4 родившихся на 1 тыс. чел., т. е. был почти таким же высоким, как у азербайджанцев. При этом коэффициент смертности русского населения, равный 16,4‰, был намного ниже аналогичного показателя в азербайджанских селениях и, что особенно важно, — более чем вдвое ниже средней смертности в российских губерниях³⁰ (что можно расценивать как свидетельство хорошей адаптированности русских переселенцев). По-видимому, такая оценка справедлива и в отношении большинства других сектантских селений. Во всяком случае во второй половине XIX — начале XX в. почти все они (за исключением оставленных из-за явно нездорового климата) характеризовались довольно устойчивым ростом общего числа жителей. По нашим расчетам, среднегодовой темп прироста численности населения до начала 1920-х годов составлял примерно 2—3%.

Общая линия расширенного воспроизводства русского старожильческого населения была прервана событиями, связанными с первой мировой войной и Октябрьской революцией, но уже с середины 1920-х годов

²⁶ Рассчитано по источникам, приведенным в примечаниях 7 и 9.

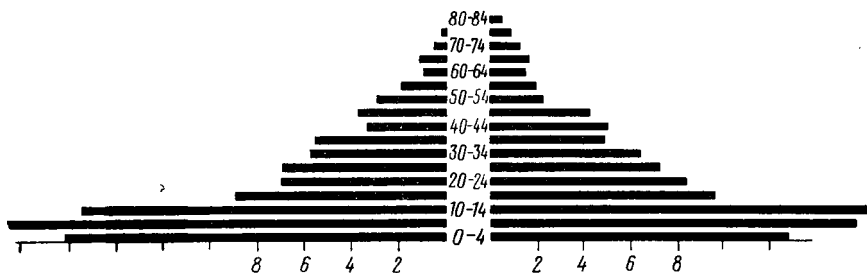
²⁷ Рассчитано по источнику, приведенному в примечании 8.

²⁸ Подсчитано по: Записка о русских переселенцах-сектантах... С. 284—285.

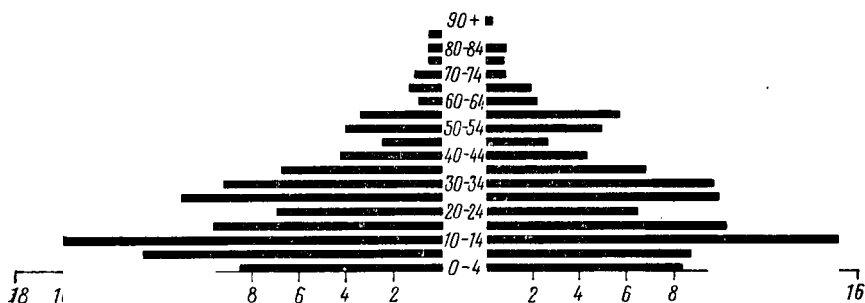
²⁹ Статистические сводки за 1830—1844-е годы свидетельствуют о примерном равенстве между полами в составе мигрантов из России. См. Записка о русских переселенцах-сектантах... С. 285.

³⁰ Подсчитано по: *Калашев Н. Указ. раб.* С. 254—255.

Чухурюрд, 1935

Славянка, 1938

Новоивановка, 1938

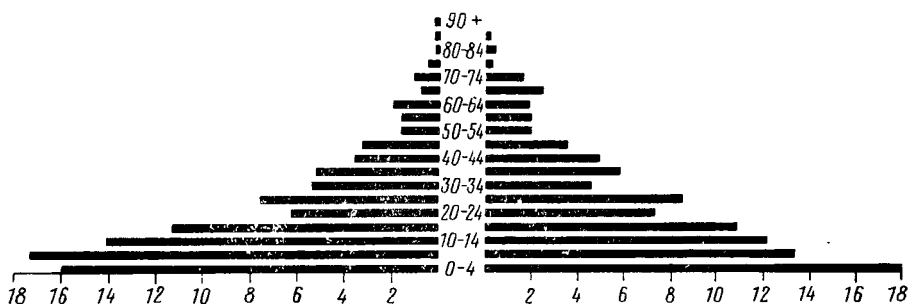

Рис. 2. Возрастно-половая структура населения некоторых русских старожильческих сел Азербайджана (1930-е гг.)

возобновилась. Отсутствие материалов похозяйственного учета не позволяет детально проследить закономерности демографических изменений в первые годы советской власти и в период коллективизации. Однако в целом можно констатировать, что темпы прироста населения в этот период даже несколько возросли, что, очевидно, связано с существенным сокращением смертности, особенно в детском и среднем возрасте. В середине 1930-х годов для русских сел данного региона типичной была демографически молодая возрастная-половая структура населения, графически изображаемая в виде правильной пирамиды с широким основанием и относительно равномерным сужением кверху (рис. 2). Доля детей до 14 лет составляла 35—45%, а удельный вес населения старше 60 лет не превышал 6%. Кстати сказать, подобные пропорции были свойственны и популяциям азербайджанцев.

Первые серьезные демографические потрясения в русских селениях, непосредственно отразившиеся на современной демографической ситуации, связаны с Великой Отечественной войной. В результате гибели на фронтах значительной части мужского населения во всех селах образовался заметный дефицит мужчин молодого и среднего возраста, и часть женщин лишилась имевшихся или потенциальных супругов. Кроме того, поколение родившихся в эти годы оказалось очень малочислен-

ным, что впоследствии привело к сужению трудоспособного контингента, а также к образованию когортной волны пониженной рождаемости.

Вместе с тем, неблагоприятные последствия войны накладывались на все более ощутимые сдвиги так называемого демографического поведения. Имеется в виду постепенный переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения, характеризующемуся последовательным снижением смертности и несколько более замедленным снижением рождаемости за счет сознательного регулирования ее на уровне семьи. В русских селах этот процесс начался раньше и проявился отчетливее, чем в азербайджанских. Как показал опрос, еще до войны многие русские женщины прибегали к тем или иным способам ограничения рождаемости, а в послевоенный период подобная практика заметно участилась. Само по себе это не могло представлять особой опасности для русских популяций, но в совокупности с другими факторами серьезно осложнило демографическую ситуацию в старожильческих селениях. Главной же причиной ее ухудшения стал начавшийся в 1950-е годы отъезд русского населения из Азербайджана, совпавший по времени с периодом ускоренной урбанизации (но обусловленный отнюдь не только ею).

Русское население гораздо активнее азербайджанского включилось в послевоенный процесс урбанизации. Для русских решение о переезде в города с их сложной социальной и национальной структурой облегчалось не только отсутствием языкового и отчасти психологического барьера (поскольку прежняя религиозная обособленность уже утратила силу), а и более высоким, чем у азербайджанцев, уровнем образования и профессиональной квалификации. Вместе с тем анализ миграции показывает, что многие из покинувших русские села в дальнейшем обосновывались не в городах, а в сельской же местности, но на территории РСФСР, в основном в Ставропольском и Краснодарском краях. Таким образом, есть все основания считать, что усиленный отток русского населения вызван не столько притяжением городов, сколько обострением негативных тенденций в экономической и социальной жизни переселенческих сел Азербайджана.

Некоторые из этих тенденций были связаны с упадком сельского хозяйства в годы войны и послевоенный период. Кроме того, с 1950-х годов в обследованных нами селах (и, видимо, в других) русское население стало чувствовать этнокультурную «ущемленность» в результате массового приселения азербайджанцев. В большинстве случаев произошло также объединение русских и азербайджанских селений (как правило, менее развитых в экономическом отношении) в рамках единых сельсоветов, колхозов и совхозов. Вслед за этим при поддержке районного начальства азербайджанцы стали постепенно занимать важнейшие административные и хозяйственные посты, тем самым существенно ограничив возможное социальное продвижение русских. Сформировавшееся в период застоя и нередкое для азербайджанской (как и для среднеазиатской) администрации пренебрежение демократическими методами руководства, а порой и явные нарушения советской законности (система поборов, взяток и т. п.) воспринимаются русским населением не столько как социальное, сколько как национальное ущемление, от которого можно найти избавление лишь в переселении.

В целом неблагоприятное влияние оказал также развернувшийся в 1970-х годах перевод колхозов в совхозы и соответственно замена оплаты по трудовым фиксированным ставками, что с одной стороны, ослабило связь оплаты труда с его результатами, а с другой, — лишив сельчан натуральных видов оплаты, выявило недостаточность доходов при усадебного хозяйства. Вызванный всеми этими процессами растущий отток значительной части русского населения в свою очередь психологически усугубляет и делает еще более неустойчивым положение оставшихся односельчан.

К сожалению, не всегда удается получить точные сведения о количестве выехавших русских из тех или иных районов и отдельных сел

Но думается, помещенные ниже цифры дают представление о том, какой размах приобрела миграция. В настоящее время от некогда полноценной популяции русского села Владимировка Кубинского р-на осталось лишь около сотни жителей, что в три раза меньше даже по сравнению с 1921 годом. В Джалилабадском р-не относительно многочисленные группы русских (приблизительно 500—600 чел.) остались только в селах Привольное и Новоголовка, тогда как еще в 1945 г. в обоих селениях популяции русских превышали 1000 чел. Ныне русские составляют в Привольном примерно половину жителей, а в Новоголовке — лишь менее трети. Столь же велико абсолютное и относительно сокращение русского населения в селах Кедабекского р-на: Новоивановке, Новосаратовке и Славянке. Еще в 1959 г. в каждом из них насчитывалось по 1100—1200 русских (около 60% всего населения), а сейчас их число сократилось до 300—400 и не достигает даже трети всех жителей. Более устойчивыми оказались популяции русских в Исмаиллинском р-не, где нами было обследовано с. Ивановка, и в Шемахинском р-не, где обследовались с. Хильмилли и Чухурюрд. По данным на начало 1987 г. русских насчитывалось в Ивановке 2877 чел. (79,4% всех жителей), в Чухурюрде — 1064 (92,1%), в Хильмилли — 1242 чел. (59,8%). Но эти села являются исключениями в ряду прочих. В целом же численность русского сельского населения по всему Азербайджану сократилась с 61,8 тыс. чел. в 1959 г. до 40,8 тыс. в 1970 г. (со среднегодовым темпом убыли 3,7%) и 27,1 тыс. чел. в 1979 г. (среднегодовой темп убыли ускорился до 4,4%)³¹.

Неуклонное падение численности русского населения сопровождается не менее болезненными структурными изменениями демографической ситуации. Во-первых, в последние 30 лет в результате миграции лиц молодого и среднего возраста произошло резкое сужение репродуктивного контингента. Этот фактор в сочетании с распространившейся практикой внутрисемейного регулирования рождаемости ведет к дальнейшему сокращению числа родившихся. Во-вторых, благодаря сочетанию чрезмерного оттока молодежи и сокращения рождаемости ускорился темп постарения населения, так что уже к 1975 г. доля лиц старше 60 лет в большинстве сел превысила 20%, т. е. почти вдвое превзошла нижний порог известного критерия демографически старого населения. В 1986 г. данный показатель превышает уже 30% даже в наиболее крупных селах. Например, в Чухурюрде он равен 34,9%, в Хильмилли — 35,0, в Славянке — 31,2, в Новоивановке — 37,0 (см. рис. 3). В-третьих, параллельно с общим процессом постарения населения в русских селах усилилось постарение трудовых ресурсов. Если в середине 1930-х годов средний возраст трудоспособного контингента (20—59 лет) составлял около 35 лет, то в настоящее время во всех русских популяциях он уже превышает 45 лет (ср. рис. 2, 3).

К этому стоит добавить, что сокращение числа молодых людей сочетается с ослаблением у оставшихся чувства хозяйской ответственности за результаты сельского труда, а следовательно, и чувства привязанности к земле, составляющего немаловажный элемент адаптации. Уже сегодня молодежь стремится занимать вспомогательные участки работ (в сельсоветах, конторах, домах быта, почтовых отделениях, детских садах и на других объектах социально-бытового назначения), которые, в отличие от собственно сельскохозяйственного труда, обеспечивают регулярную круглогодичную занятость и фиксированный заработок, но при этом оторваны от исконно крестьянских забот. В итоге молодое поколение все больше и больше теряет стимулы оставаться в родном селе. Характерно, что на определенном этапе вступает в силу обратная связь. С одной стороны, миграция молодежи из сел и вызванное ею постарение населения отрицательно сказывается на развитии экономики и инфраструктуры, ведет к сужению спектра культурной

³¹ Данные переписей соответствующих лет см.: Мамедов К. В. Население Азербайджанской ССР за 60 лет. Баку, 1982. С. 58.

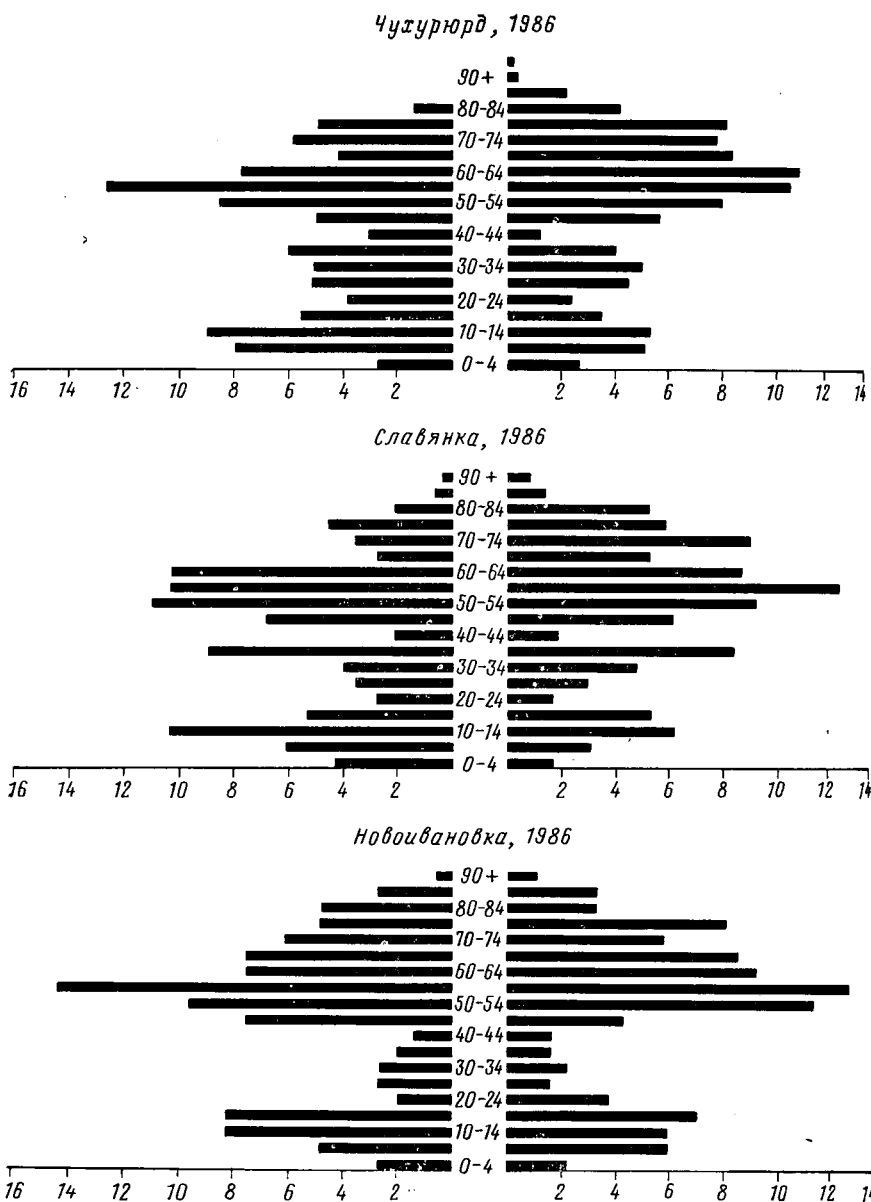

Рис. 3. Возрастно-половая структура населения некоторых русских старожильческих сел Азербайджана (1986 г.)

жизни. Но с другой стороны, сама по себе замедленность социально-экономических преобразований становится причиной неудовлетворенности уровнем жизни и тем самым способствует дальнейшему оттоку населения, — круг замыкается.

Остается только сожалеть, что в подавляющем большинстве русских сел Азербайджана негативные изменения демографической ситуации в настоящее время набрали полную силу и, вероятнее всего, уже необратимы. Во всяком случае, в ряде селений ломка нормальной возрастной структуры населения уже привела к депопуляции, а в остальных селениях угроза депопуляции при сохранении современных тенденций демографического развития может стать реальностью в не столь уж отдаленном будущем. Например, даже в одном из наиболее «благополучных» в демографическом отношении сел, каким является Чухурюрд брутто-коэффициент воспроизводства населения, стандартизованный по возрастной структуре 1935 г., уже многие годы меньше единицы.

Исходя из сказанного, нынешнюю демографическую ситуацию в русских селах Азербайджана приходится расценивать как проявление своего рода «вторичной» дезадаптации русских популяций к социальной среде. Вместе с тем пример развития с. Ивановки Исмаиллинского р-на дает основания полагать, что подобный исход не является фатально предопределенным. В 1953 г. на пост председателя колхоза в Ивановке был выбран сравнительно молодой и энергичный фронтовик Н. В. Никитин, которому удалось наладить разваливающееся хозяйство, сплотить колхозников, повысить их благосостояние. В 1970-х годах ивановский колхоз им. М. И. Калинина выдвинулся в число образцовых хозяйств республики. Думается, оздоровление создавшейся ситуации возможно в Чухурюрде и некоторых других местах. Немалый эффект могли бы принести, скажем, такие меры, как: возврат к прежней системе обеспечения сельчан сеном и кормами для содержания домашнего скота и птицы; организация продажи мясо-молочных продуктов хотя бы по кооперативным ценам; контроль за строгим соблюдением финансовой дисциплины и налаживание демократических принципов управления; усиление внимания и материальной помощи молодым семьям, имеющим детей; более рациональное использование трудовых ресурсов, особенно работников молодых возрастов, в течение года. По-видимому, решению вопроса о трудоустройстве молодежи и закреплении ее в селе способствовало бы строительство там, где это окажется экономически рентабельным, местных промышленных предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции. В тех случаях, когда русские села расположены поблизости от районных центров (как, например, Славянка, удаленная на 12 км от Кедабека, или Чухурюрд, расположенный на таком же расстоянии от Шемахи), возможно, оказалось бы полезным развитие промышленной и социальной базы самих центров, которые служили бы сферой приложения труда для жителей окрестных сел. Подобные примеры можно обнаружить в соседней Армении, где русские села Лермонтово и Фиолетово являются, по существу, спутниками районного центра Кировакача, что заметно сдерживает отток из них трудовых ресурсов.

При любых обстоятельствах решение демографических проблем русских поселений необходимо увязывать с общим оздоровлением нынешней социально-экономической ситуации в Азербайджане, а также с учетом национальных интересов всех проживающих там народов.

Завершая краткое рассмотрение этапов адаптации сравнительно небольших групп русского населения на территории Азербайджана и связанных с этим наиболее важных, с точки зрения жизнеобеспечения, изменений в их материальной культуре и воспроизводстве населения, отметим, что в своей публикации мы сознательно стремились избежать скороспелых теоретических обобщений. По мере столкновения со многими трудностями конкретных исследований в области этнической экологии мы еще и еще раз убеждались, что распознать принципы, механизм того или иного явления куда более сложно, чем предположить, к чему это явление может привести. Для вскрытия механизма этноэкологической адаптации необходимы систематические комплексные исследования, включающие помимо представленных читателю материалов, данные об изменениях социальной и конфессиональной структуры групп русского населения и перемены в их социальной, этнической и религиозной психологии, а также и многое другое, о чем будет сказано в последующих публикациях. Только тогда будет возможно представить целостную модель адаптации русского населения в условиях Кавказа, в которой каждый из параметров будет не только достаточно исследован, но и соотнесен со всеми остальными.